

ОБЛОМОВ И ШТОЛЬЦ: РОССИЯ И ЗАПАД В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

П. Н. Долженков

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 23 сентября 2021 г.

Аннотация: в статье *Обломов* рассматривается как образ, воплотивший в себе ряд черт русского национального характера. Автор статьи соглашается с теми, кто полагает, что апатия Обломова — это «славянская апатия», доведенная почти до крайней степени, и оспаривает мнение о том, что главный герой произведения — это больной человек. В статье демонстрируется, что идеал Обломова — цельность и полнота жизни души. Деятельность, за исключением художественного творчества, есть нарушение этого идеала. Идеалу жизни Обломова соответствует характерная черта русского человека — стремление к целостности жизни души и знания, и это демонстрируется на примере русской философии. Следующая характерная черта русского национального характера, которую мы выделяем в образе Обломова, — художнический склад души. В работе также утверждается, что динамика русской жизни, чередование взлетов и падений, тоже нашла свое отражение в образе Обломова. Женственность Обломова, и в первую очередь жизнь эмоциями и воображением, можно соотносить, на наш взгляд, с женственностью русского народа. У Гончарова был идеал единения народов. Образ Штольца и стал первым шагом на пути этого единения, попыткой объединения лучшего от России с лучшим от Запада. От отца немца Штольца унаследовал практичность, привычку к труду, жажду деятельности, а от русской матери — духовность. Также в образе русского немца Гончаров стремился соединить духовность и деятельность. Но писателю не удалось в образе Штольца полноценно соединить лучшее от русского народа и лучшее от народов Запада, не удалось органично соединить волю и разум с полноценной, с точки зрения русского человека, жизнью души. Образ русского немца оказался творческой неудачей Гончарова.

Ключевые слова: история русской литературы XIX века, творчество Гончарова, «Обломов», Россия и Запад.

Abstract: in the article *Oblomov* is considered as a character that embodies a number of traits specific for the Russian national character. The author agrees with those who think that *Oblomov's* apathy is the 'Slavic apathy' taken almost to the extreme, and disagrees with the opinion that the protagonist of the novel is a sick man. The article illustrates that *Oblomov's* ideal is integrity and wholeness of the life of the soul. Activity, except for artistic endeavors, brings disbalance into this ideal. *Oblomov's* life ideal fits with a specific trait of Russian people, their striving towards integrity of the life of the soul and knowledge, and this is demonstrated through examples from Russian philosophy. The next specific trait of the Russian national character that we see in the character of *Oblomov* is the artistic composition of his soul. This work also states that the dynamics of the Russian life, its alternating ups and downs was also reflected in the character of *Oblomov*. *Oblomov's* femininity, especially his way of living through emotions and imagination, may relate, in our opinion, to the femininity of the Russian people. *Goncharov* had a vision of uniting peoples. The character of *Stolz* was the first step on the path towards this unity, an attempt to unite the best from Russia with the best from the West. From his German father *Stolz* inherited pragmatism, the habit of working, the eagerness to act, and from his Russian mother, spirituality. *Goncharov* also tried to unite spirituality and active life in this Russian German character. However, the writer did not manage to achieve a true union of the best traits of the Russian and Western peoples in the character of *Stolz*, he could not find a way to naturally unite will and mind with a fully realized life of the soul from the point of view of a Russian. The character of a Russian German was a creative failure for *Goncharov*.

Keywords: *Oblomov* and *Stolz*: Russia and the West in I. A. *Goncharov's* novel "*Oblomov*".

На тему нашей статьи написано уже достаточно много работ. Но наблюдения, суждения исследователей этой темы разбросаны по различным статьям и книгам, и мы хотим собрать их воедино, добавив свои наблюдения, чтобы представить тему в ее целом.

Объясняя нежелание Обломова вставать с дивана, что-либо делать, а уж тем более вести активный образ жизни, не один исследователь вспоминал русскую лень (например, о грандиозной лени Обломова писал Чехов). Но Гончаров уже на второй странице своего романа отделяет главного героя от просто лени, он пишет: «Лежанье у Ильи Ильича не было

ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием». [1; 4, 8]

Это отрицание автором романа того, что лень есть основа существования его персонажа, ставит крест и на встречающемся в научной литературе утверждении о том, что в Обломове воплощена азиатская лень. Тема «Россия и Азия» лишь намечена в романе: халат на Обломове восточный, персидский, а Обломовка расположена чуть ли не в Азии, — намечена и далее не развивается.

Что же «погубило» Илью Ильича, наложило на его жизнь свою тяжелую руку? Обратим внимание на то, что в адрес Обломова едва ли не чаще, чем слово «лень», звучит слово «апатия». И сразу вспоминается знаменитая в XIX веке концепция «славянской апатии». В ее рамках утверждается, что славяне, и русские в том числе, значительно менее энергичны, инициативны, предприимчивы, чем западные народы. Например, Чехов, по всей видимости, придавал довольно большое значение славянской апатии в жизни русского человека. Об этом можно судить по его письму Д. В. Григоровичу, написанному в ответ на предложенный знаменитым тогда писателем сюжет о самоубийстве русского юноши: «Самоубийство Вашего русского юноши, по моему мнению, есть явление, Европе не знакомое, специфическое. Оно составляет результат страшной борьбы, возможной только в России. Вся энергия художника должна быть обращена на две силы: человек и природа. С одной стороны, физическая слабость, нервность, ранняя половая зрелость, страстная жажда жизни и правды, мечты о широкой, как степь, деятельности, беспокойный анализ, бедность знаний рядом с широким полетом мысли; с другой — необъятная равнина, суровый климат, серый, суровый народ со своей тяжелой холодной историей, татарщина, чиновничество, бедность, невежество, сырость столиц, славянская апатия и проч. <...> Русская жизнь бьет русского человека так, что мокрому месту не остается, бьет на манер тысячепудового камня» [2; П., 2, 175].

Гончаров в романе гиперболизирует «славянскую апатию» своего героя.

Существует мнение, что эта гиперболизация отражает характерное для русских пассивно-созерцательное отношение к жизни. Например, С. А. Ханаш, опираясь на представления Н. С. Трубецкого о русском характере, видевшего в качестве ведущей черты его глубоко созерцательные отношения русского человека к миру (природе и обществу), полагает, что «именно эта черта, достигшая крайности, составила социально-философскую сущность личности обломовского типа» [3, 157]. Но пассивная созерцательность предполагает отсутствие или очень слабую силу желаний. А желания живут в душе Обломова: он хотел бы и в Париж съездить, и в Обломовку и т.д.,

но он не может подняться с дивана и повести активный образ жизни.

Его желания не переходят в действия — и это главное для характеристики апатии Обломова. Нам приходилось читать, что Илья Ильич остается бездеятельным, потому что он боится жизни. Это не так. Обломов не боится жизни, он пугается необходимости что-либо делать. Чтобы разрешить жизненную проблему, например переехать с квартиры на квартиру, необходимо совершить ряд действий, а чтобы совершить хотя бы одно действие, герою Гончарова нужно приложить громадные усилия, чтобы преодолеть свою апатию. И ряд действий представляется ему просто непреодолимым препятствием, которое его пугает, перед которым он пасует и укладывается опять на диван.

Наверное, А. П. Милюков первым увидел в Обломове больного человека, он писал: «Его (Обломова. — П. Д.) история — частный случай, касающийся больного человека» [4, 132].

По всей видимости, Гончаров настолько заострил нужные ему черты личности в образе Ильи Ильича, что заступил за грань, отделяющую здорового человека от психически больного. В беседе с автором статьи известный московский историк психиатрии А. Г. Гериш назвал Обломова шизофреником. И у него были свои основания. Желания не переходят в действия — это характерно для шизофреников, характерны для них и апатия, и нежелание делать именно то, что нужно (негативизм). По всей видимости, Гончаров настолько заострил нужные ему черты личности в образе Ильи Ильича, что, по мнению психиатра, заступил за грань, отделяющую здорового человека от психически больного. Конечно, изображая Обломова, Гончаров не имел в виду больного человека. То же самое можно сказать, например, и об образе Беликова, чеховского «человека в футляре».

Итак, апатия Обломова — это «славянская апатия», доведенная почти до крайней степени. В подтверждение своего вывода приведем схожее по смыслу суждение Д. И. Писарева, тоже связывавшего апатию Обломова со славянской апатией: «апатия покорная, мирная, улыбающаяся, без стремления выйти из бездействия; это — обломовщина, как назвал ее г. Гончаров, это болезнь, развитию которой способствуют и славянская природа и жизнь нашего общества» [5, 70]. Но Писарев был не прав, когда писал об «умственной апатии» Ильи Ильича: «Автор задумал проследить мертвящее, губительное влияние, которое оказывают на человека умственная апатия, усыпление, овладевающее мало-помалу всеми силами души, охватывающее и сковывающее собою все лучшие, человеческие, разумные движения и чувства. Эта апатия составляет явление общечеловеческое» [5, 70]. Умственной апатии у Обломова нет.

Но не только апатия, на наш взгляд, стала причиной бездействия Обломова. Вспомним два выска-

звания Ильи Ильича. Первое — в связи с посетившим его гоняющимся за удовольствиями молодым человеком Волковым: «В десять мест в один день — несчастный! — думал Обломов. — И это жизнь! — Он сильно пожал плечами. — Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается?» [1; 4, 23]. Как видим, идеал гончаровского героя — цельность жизни души. Второе высказывание Обломов сделал в связи со служебной деятельностью пришедшего к нему навестить чиновника Судьбинского: «Увяз, любезный друг, по уши увяз, — думал Обломов, провожая его глазами. — И слеп, и глух, и нем для всего остального в мире. А выйдет в люди, будет со временем ворочать делами и чинов нахватает... У нас это называется тоже карьерой! А как мало тут человека-то нужно: ума его, воли, чувства — зачем это? Роскошь! И проживет свой век, и не пошевелится в нем многое, многое...» [1; 4, 27]. Таким образом, идеал Обломова — цельность и полнота жизни души. А деятельность, видимо, за исключением художественного творчества, не соответствует этому идеалу. Делая что-либо, мы используем только те стороны и свойства души, которые необходимы для успешного выполнения дела, все остальное в нашей душе в это время «спит». Работая чиновником, Обломов все твердил: «Когда же жить? Когда жить?» [1; 4, 58], — и на протяжении романа он несколько раз скажет об этой своей претензии к деятельности. Одним словом, для Обломова активно действовать означает «не жить». Видимо, для него «жить» значит жить прямо сейчас, а не, например, в выходные или в отпуске, и у занятого делом Обломова рождается ощущение, что жизнь проходит, жизнь «гибнет». В этом мы видим еще одну причину бездеятельности главного героя романа.

Идеалу жизни Обломова, как нам представляется, соответствует характерная черта русского человека — стремление к целостности жизни души и знания. Вот что писали, например, исследователи русской философии. Н. О. Лосский: «Идеал цельного познания, т.е. познания как органического всеобъемлющего единства, провозглашенный Киреевским и Хомяковым, привлек многих русских мыслителей <...> Киреевский и Хомяков говорили, что цельная истина раскрывается только цельному человеку. Только собрав в единое целое все свои духовные силы — чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию, нравственный опыт и религиозное созерцание, — человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины о Боге. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей — В. Соловьева, кн. С. Трубецкого, кн. Е. Трубецкого, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева, Н. Лосского, С. Франка, Л. Карсавина, А. Лосева, И. Ильина и др. Опираясь на цельный опыт, они пытались развить такую философию, которая бы явилась всеобъемлющим синтезом» [6, 470]. В. В. Зеньковский: «В неразрывно-

сти теории и практики, отвлеченной мысли и жизни, иначе говоря, в идеале “целостности” заключается, действительно, одно из главных вдохновений русской философской мысли. Русские философы, за редкими исключениями, ищут именно целостности, синтетического единства всех сторон реальности и всех движений человеческого духа» [7, 20].

«Ты философ, Илья» [1; 4, 23], — так реагирует Штольц на рассуждения Обломова.

Следующая характерная черта русского национального характера, которую мы выделяем в образе Обломова и которую еще не отмечали гончароведы, — художественный склад души. Автор пишет о своем герое: ««И куда это они ушли, эти мужики? — думал он и углубился более в художественное рассмотрение этого обстоятельства» [1; 4, 97]. Яркий образец художественного творчества Ильи Ильича — его рассказ Штольцу о своем идеале жизни в усадьбе, в ответ на который русский немец восклицает: «Да ты поэт, Илья!» [1; 4, 181]. В нашей литературе XIX века также Лесков рассматривал художественный склад природы как характерную черту русского человека. Его «русский богатырь» Иван Северьянович Флягин («Очарованный странник») тонко чувствует красоту (сначала лошади, а потом он открывает красоту женщины), испытывает перед ней художественный восторг и способен передать этот восторг другим людям.

У Обломова сильная апатия, как же так получилось, что он встал с дивана под влиянием любви к Ольге Ильинской и «догнал жизнь», правда, лишь в рамках интересов его возлюбленной? Опишем динамику жизни Ильи Ильича: в юности и ранней молодости он был достаточно активен, деятелен, строил широкие планы на будущее, а затем он погружается в апатию, после которой следует «взрыв», и он покидает свой диван, но не удерживается на достигнутой высоте и вновь падает в объятия апатии. Одним словом, его жизнь состоит из чередования периодов активности с периодами апатии, застоя. Такова же и динамика жизни русского народа. Например, после грандиозного «взрыва» — победы в Великой отечественной войне и восстановления народного хозяйства в кратчайшие сроки — мы постепенно погрузились в апатию, в классику застоя — в брежневский застой, а затем последовал новый взрыв — демократическая революция.

В литературе XIX века эту особенность русского национального характера отразил тот же Лесков в «Очарованном страннике»: «русский богатырь» Флягин развивает чудовищную энергию, но лишь в кульминационные моменты своей жизни. В промежутках между ними Иван Северьянович ведет медлительное, полуленивое существование.

В науке XIX века на эту динамику русской жизни обратил внимание В. О. Ключевский, он писал: «Это (короткое лето. — П. Д.) заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы

сделать много в короткое время и впопыхах обратиться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» [8, 105–106].

В науке XX–XXI вв., по крайней мере, в западной психологии, в культурантропологии подобный взгляд на динамику русского национального характера стал общепринятым с середины XX века. Например, Ph. K. Bock в своей книге “Rethinking psychological anthropology. Continuity and change in the study of human action” (N. Y., 1988) писал о раскачивании русских «между длительными периодами депрессии и самокопания и короткими периодами бешеной социальной активности» и даже «между длительными периодами подчинения сильной внешней власти и короткими периодами интенсивной революционной деятельности»¹.

И, повторим, эта динамика русской жизни нашла свое отражение в образе Обломова.

Для дальнейшего анализа темы нашей статьи мы должны обратиться к следующей паре: эмоции и воображение и воля и разум. Понятно, что первый член этой пары соответствует России, живущей прежде всего эмоциями и воображением, а второй — Западу, живущему в первую очередь волей и разумом. Также члены этой пары соответствуют противопоставлению женщины (эмоции и воображение) и мужчины (воля и разум).

Исследователи романа уже писали о женственности Обломова, соотносимой с женственностью России, и о том, что «женскому началу» (Обломов) в произведении Гончарова противопоставлено «мужское начало» (Штольц).

Мы хотим лишь отметить, что в XIX веке женственными считали не только русский народ, но и всех славян. Например, немецкие националисты писали о том, что женственные славяне должны быть покорены Германией.

Также мы хотим обратить внимание исследователей романа на то, что о женственности Обломова следует говорить в первую очередь не потому, что «тело его, судя по матовому, чересчур белому цвету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины» [1, 4, 8], а потому, что он живет именно эмоциями и воображением. Гончаров пишет о своем герое: «Освободясь

от деловых забот, Обломов любил уходить в себя и жить в созданном им мире» [1; 4, 67]. И недаром Обломов встал с дивана под влиянием эмоций (любовь), а не под влиянием каких-либо идеалов или возвышенных идей.

Итак, в образе Обломова отражен ряд особенностей русского национального характера.

Традиционно считается, что в образе Штольца Гончаров хотел изобразить образцового русского деятеля, по мнению писателя, на место «обломовцев» должны прийти русские Штольцы.

Но мы полагаем, что образ русского немца для Гончарова был более значим. В 1870 году он писал С. А. Толстой: «впереди где-то стоит идеал слияния народностей, религий, языков <...> Спаситель сказал, что будет *едина вера и едино стадо* (курсив авторский. — П.Д.) <...> все народы должны прийти к этому общему идеалу человеческого конечного здания <...> каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал» [1; 8, 33].

Гончаров в занятой им позиции не совпадал ни со славянофилами, настаивавшими на своеобразии исторического развития России, ни с западниками, утверждавшими, что Россия должна идти вослед Западу. Писатель мечтал о соединении русского и западного начал, о единении народов мира.

Штольц и стал первой попыткой объединения России и Запада, не в реальности, а в художественной литературе.

От отца немца Штольц унаследовал практичность, привычку к труду, жажду деятельности, а от русской матери — духовность. Исследователи романа ограничиваются констатацией этого соединения западного и русского в душе Штольца. Но в формировании личности русского немца со стороны России участвовала не только мать. Гончаров пишет: «С одной стороны Обломовка, с другой — княжеский замок с широким раздольем барской жизни встретились с немецким элементом, и не вышло из Андрюши ни доброго бурша, ни даже филистера» [1; 4, 161]. Таким образом, на Андрюшу влияла широта русской души, и это влияние выразилось в широте интересов Штольца, в его жажде широкой деятельности. А влияние Обломовки — это влияние на Штольца Обломова, влияние светлого и доброго начала, лежавшего в душе Ильи Ильича. И, в чем бы мы ни упрекали гончаровского русского немца, мы не можем не признать его вполне порядочным и неплохим человеком.

Что же касается проблемы русского деятеля в романе, то вспомним, что, по Обломову, активная деятельность сопряжена с неполнотой и нецельностью жизни души. Гончаров же попытался соединить в образе Штольца деятельность и духовность. По отношению к вопросу о деятельности структуру романа можно представить следующим образом: на одном полюсе духовность без деятельности (Обломов),

¹ Цитируется по кн.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. — М., 2003. — С. 140.

на другом — деятельность без духовности (посетители Обломова в первой части романа), а между ними — образ русского немца, соединявшего активную деятельность с «тонкими потребностями духа».

Итак, мы можем сказать, что в образе Штольца Гончаров пытался соединить лучшее от Запада и лучшее от России.

Почему же современники Гончарова не приняли этот образ? Они обвиняли Штольца в эмоциональной холодности, эгоизме, утверждали, что он был недостаточно настойчив в деле перевоспитания Обломова, что он, якобы, отвернулся от Ильи Ильича после его женитьбы на Пшеницыной. Опять процитируем Чехова: «Штольц не внушает мне никакого доверия. Автор говорит, что это великолепный мальчик, а я не верю. Это продувная бестия, думающая о себе очень хорошо и собою довольная» [2; П., 4, 201–202].

Что же обусловило такую реакцию на образ Штольца, что в нем не может принять русский человек?

Штольц живет в первую очередь волей и разумом. Рассудок и практичность многое определяют в его жизни.

Гончаров пишет о своем герое, что еще юношей «он инстинктивно берег свои силы» [1; 4, 454]. Когда же русский немец получил от Ольги согласие стать его женой, он думает: «Дождался! Сколько лет жажды чувства, экономии сил души! Как долго я ждал — и вот все вознаграждено: вот оно последнее счастье человека!» [1; 4, 428]. Даже в юности и ранней молодости он стремился не увлекаться ничем посторонним, не попадать под власть очаровательных соблазнов, а, как купец деньги, берег, экономил силы души. Такую душу мы не можем назвать полноценной. Ведь юность как раз и есть пора увлечений.

Гончаров пишет: «Мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе» [1; 4, 165], — опять же мы можем сказать, что для русского человека такая душа представляется слишком «сухой», и он не хочет рассматривать ее в качестве идеала.

А как Штольц относится к своей любимой? Он рассудочно формирует из Ольги нужную ему женщину. «Сначала долго приходилось бороться с живостью ее натуры, прерывать лихорадку молодости (курсив наш. — П. Д.), укладывать порывы в определенные размеры, давать плавное течение жизни, <...> Задумывалась она над явлением жизни — спешил вручить ей ключ к нему» [1; 4, 457]. Такое сверхрациональное отношение к любимой женщине, рассудочное ее формирование мало приемлемо для русского человека.

Когда Гончаров пересказывает роман Штольца и Ольги, мы верим автору, что Штольц действительно сильно влюблен, когда же писатель изображает конкретные сцены из этого романа, в наши души начинает закрадываться сомнения.

Русский немец решает признаться Ольги в любви. Понятно, какую бурю чувств должен испыты-

вать влюбленный, ведь судьба его решается, тут не до хладнокровия, не до рассудка.

А вот как ведет себя Штольц: он садится к окну: «Он сидел в простенке, который скрывал его лицо, тогда как свет падал на нее, и он мог читать, что было у ней на уме» [1; 4, 417]. Андрей хладнокровно садится так, чтобы его не было видно и чтобы он мог читать все ее мысли и чувства. И Ольга любимого человека воспринимает как «опасного противника», она хватается за руку, «как будто моля о пощаде» [1; 4, 418]. А лицо его таково: «похудевшее лицо в нахмуренные брови, сжатые губы с выражением решительности» [1; 4, 417]. «Но я вас люблю, Ольга Сергеевна! — сказал он почти сурово (курсив наш. — П. Д.)».

Так ли рассудительно, порой спокойно, говорит и ведет себя признающийся в любви мужчина? И не зря в этой сцене Ольга просит: «Выслушайте же до конца, но только — я боюсь вашего ума; сердцем лучше: может быть, оно рассудит...» [1; 4, 422]. Будущая жена боится главного начала в личности мужа — ума!

Штольц, как мы видим его в этой сцене, не производит впечатление мужчины, испытывающего сильное чувство любви, он более похож на человека, испытывающего чувство влюбленности — чувство не очень сильное и обычно поверхностное.

Через ряд лет жизни со Штольцем Ольга вдруг стала испытывать чувства тоски, неудовлетворенности жизнью. Она говорит своему мужу: «Что ж это счастье... вся жизнь... <...> все эти радости, горе... природа... <...> все тянет меня куда-то еще; я делаю ничем недовольна...» [1; 4, 465]. Проницательный муж разгадал причину душевного «недуга» своей жены: «Это грусть души, вопрошающей жизнь о ее тайне» [1; 4, 467], — говорит он своей жене. Ольга вышла на высший уровень духовности: ее мучают «вечные вопросы» жизни. И как же реагирует на, как он определил, «недуг» супруги Штольц? Он говорит ей: «Мы не Титаны с тобой, <...> мы не пойдём, с Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, не примем их вызова, склоним головы и смиренно переживем трудную минуту, и опять потом улыбнется жизнь, счастье» [1; 4, 467–468]. Душа Ольги рвется вдаль и ввысь — а благоразумный, рассудительный муж ставит преграды на пути тоскующей, рвущейся ввысь души Ольги. Подобное благоразумие для русского человека граничит с мещанством и не может быть принято.

Одним словом, если вспомнить определения Л. Толстого: «ум ума» и «ум души», — то мы должны признать, что у русского немца на первом плане «ум ума», а не «ум души», не осердеченная мысль.

Гончарову не удалось в образе Штольца полноценно соединить лучшее от русского народа и лучшее от народов Запада, не удалось органично соединить

волю и разум с полноценной, с точки зрения русского человека, жизнью души.

Приведем в конце, на наш взгляд, характерную именно для русского человека реакцию на образ Штольца: «В этой антипатичной натуре, под маскою образования и гуманности, стремления к реформам и прогрессу, скрывается все, что так противно нашему русскому характеру и взгляду на жизнь» [4, 138].

Одним словом, образ Штольца, прообраз чаемого Гончаровым будущего единения народов, писателю не удался.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров И. А. Собрание сочинений в 8-ми т. / И. А. Гончаров. — М.: Худ. лит., 1977–1980.
2. Чехов А. П. ПССП в 30-ти т. / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1974–1986.
3. Ханаш С. А. Образ Обломова в контексте теории

русского национального характера / С. А. Ханаш / Материалы круглого стола «Илья Ильич Обломов русский человек?» / о национальном характере сквозь призму образов художественной литературы // Клио. — СПб., 2007. — № 2 (37). — С. 155–158.

4. Милюков А. П. Русская апатия и немецкая деятельность («Обломов», роман Гончарова) / А. П. Милюков // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. — Л.: ЛГУ, 1991. — С. 125–142.

5. Писарев Д. И. «Обломов». Роман И. А. Гончарова / Д. И. Писарев // Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике. — Л.: ЛГУ, 1991. — С. 68–82.

6. Лосский Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский. — М.: Советский писатель, 1991.

7. Зеньковский В. В. История русской философии в 2-х т. / В. В. Зеньковский. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

8. Ключевский В. О. О русской истории / В. О. Ключевский. — М.: Просвещение, 1993.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Долженков П. Н., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы

E-mail: pnd57@mail.ru

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Dolzhenkov P. N., candidate of Philological Sciences, associate professor, faculty of Philology, department of Russian Literature History*

E-mail: pnd57@mail.ru